

Чем сильнее окружающие уговаривали его, тем сильнее Ци Шиянь упрямо шёл наперекор.

Его пухлые детские щёчки плотно прижимались к коленям Ши Жосяня, а ручонки так и норовили пошарить где-то в районе запретной зоны Ши Жосяня.

Если бы он вдруг понял, что Ши Жосянь на самом деле не девушка, ситуация вышла бы из-под контроля.

Вдовствующая императрица видела всё вокруг насквозь. Се Моюнь слегка нахмурился, глядя на Ши Жосяня и Ци Шияня, и с улыбкой произпроизнес:

— Пожалуй, я впервые вижу, чтобы Янь-эр был так близок с чужим человеком.

С этими словами она вздохнула:

— Последние дни Янь-эр вёл себя во Дворце Цынин хуже некуда, но теперь, когда он рядом с супругой девятого принца, я смогу хоть немного перевести дух.

После таких слов уже никто не имел права заставить Ци Шияня слезть с колен Ши Жосяня.

Однако сам Ши Жосянь оставался совершенно равнодушен к прицепившемуся к его ногам дитю.

Ци Шиянь применил смертоносную атаку огромными глазами: он запрокинул голову и принялся моргать парой огромных, похожих на виноградики глаз.

— Сестрица, неужели Янь-эр такой милый, а ты не хочешь взять его на ручки?

Тот с улыбкой похвалил:

— Янь-эр и правда такой милый, сестрица тебя просто обожает! Почему твои щёчки тааак-тааак мягки?

Ресницы сестрицы-феи были длинными, губки — алыми, глаза — лучистыми, а хватка — на удивление крепкой.

У каждого взрослого есть общая задача — сказать ребёнку: тебя выбрали на помойке / ты вырос в цветочной кадке.

— Какая умница.

Ши Жосянь подумал про себя: «Сперва нужно вылечить у Се Моюня проблему с нестоянием».

Се Моюнь, конечно же, не стал говорить, что удивлен лишь тем, как Ши Жосянь перестал устраивать представления, и ответил с невозмутимым лицом:

— Благодарю за добрые слова матушки.

Ши Жосянь с улыбкой протянул:

— Дети же отсюда и берутся, как сестрица может тебя обманывать?

Се Моюнь не удержался и бросил на него ещё несколько взглядов.

Тогда Ши Жосянь протянул руку и безжалостно ущипнул Ци Шияня за пухлую левую щеку.

Словно разминая кусок теста, Ши Жосянь сжал его ротик в букву О.

Маленький злодей, наводивший ужас на всех слуг Дворца Цынин, в этот момент превратился в податливый слайм в руках Ши Жосяня.

Се Моюнь сохранял невозмутимость перед лицом как похвал, так и порицаний, отвечая лишь, что исполняет свой долг.

Вдовствующая императрица похвалила Се Моюня за то, как хорошо тот справляется с исправлением и написанием канонов.

Это была ещё одна запретная зона Ши Жосяня.

Но против Ши Жосяня этот приём был всё равно что махать алебардой перед Гуань Юем.

Двое искусных смутьянов сошлись вместе, и вместо ожидаемого хама воцарилась на редкость мирная атмосфера.

Это явно выходило за рамки понимания Ци Шияня.

— Взрослые разговаривают — детям не положено вступать.

Маленький демон в душе Ши Жосяня хихикнул: «Потому что у меня дома мусорное ведро ещё не доросло до того, чтобы из него дети появлялись».

Рот Ци Шияня скривился:

— Цемо го ни кады соть?

Со стороны казалось, что Ци Шиянь послушно сидит на коленях у Ши Жосяня, а тот с нежностью гладит мальчика по затылку.

Лицо Ци Шияня остекленело, он метался между мыслями: «Да она же врет» и «Как сестрица-фея может меня обманывать».

*

В отличие от детской передачи, разыгрывавшейся здесь, Се Моюнь и Вдовствующая императрица уже заговорили о распространении учения в столице.

Перед лицом феи строить из себя сироту и разыгрывать жалость было бесполезно.

На фоне хлебных местечек, доставшихся другим любимым принцам, Се Моюнь целыми днями собирал древние манускрипты и навещал прославленных мастеров лишь для того, чтобы восстановить обрывки священных текстов. Трудов это требовало немало, а пользы не приносило никакой.

Всё это происходило под углами обзора, скрытыми от посторонних глаз.

Ши Жосянь зажал его пухлую щёчку двумя пальцами и растянул круглое личико в лепёшку.

Но взгляды Вдовствующей императрицы, матушки Су и Се Моюня были прикованы к Ши Жосяню, так что внешне приходилось держать лицо.

Ши Жосянь в совершенстве овладел искусством стрельбы глазами ещё двадцать лет назад, Ци Шиянь был для этого слишком молод.

Ци Шиянь уткнулся лицом прямо в грудь Ши Жосяню:

— От сестрицы так вкусно пахнет~

Ши Жосянь про себя: «Первый-первый, я заброшен в тыл врага с тайной миссией под кодовым именем Червячок. Ребёнок ошеломлён, задание выполнено, жду указаний».

Ци Шияню так сильно сжали щёки, что глаза покраснели, но он всё же не забывал поддерживать образ настоящего мужчины и, надувшись, произнёс:

— Если сестричке нравится, мни ещё! Янь-эр обожает, когда сестричка мне щёчки мнёт.

— Разве мусорное ведро предназначено не для всякой грязи?

Главное было в том, что Ци Шиянь не питал ни малейших жалоб и, казалось, был готов лопнуть от счастья.

На месте Ши Жосяня кто-нибудь другой мог бы и поддаться на его ангельскую внешность.

— Иди к сестричке на ручки.

И тогда Ши Жосянь протянул руку и усадил Ци Шияня себе на колени.

Сверху ровно, снизу выпукло — нельзя было допустить, чтобы в обоих местах что-то выдало правду.

Ци Шиянь тихонько спросил:

— А сестричка родит мне младшего братика?

Матушка Су с улыбкой заметила:

— Супруга девятого принца так любит детей, думается мне, в будущем у вас с девятым принцем будет полный дом детей и внуков.

Для матушки Су этот взгляд со стороны выглядел как зависть.

Но зерна упали в благодатную почву — разве это не идеальный момент?

Вспоминая о заносчивых манерах наследного принца и его жены, Вдовствующая императрица и сама порой слышала кое-какие слухи.

Теперь же, глядя на скромного девятого принца, она испытывала всё большую радость.

Тем более что рядом была супруга девятого принца, которую так полюбил Янь-эр.

Вдовствующая императрица подняла руку и велела матушке Су:

— Ступай, возьми свиток Сутры Праджня мастера Чжишэна и отправь в Поместье Девятого

принца.

Се Моюнь сначала удивился, но тут же взял себя в руки, сразу поднялся и поклонился:

— Благодарю императорскую бабушку.

— У меня нет каких-то особенных сокровищ для подарков, а если хочешь и вправду отблагодарить меня, то почаще навещайте меня вместе с супругой принца.

— Сянь-ся пока не до конца освоил ханьский язык, поэтому внук благодарит императорскую бабушку за него.

Се Моюнь скосил глаза на Ши Жосяня и встретился с ним взглядом.

Матушка Су поддразнила их:

— Молодожёны, и впрямь такие страстные.

Вдовствующая императрица тоже улыбнулась:

— Согласие в семье — вот это настоящее счастье.

Атмосфера была накалена до предела, и Ши Жосяню тоже пришлось через силу изобразить улыбку.

Истинное братство выглядело именно так.

Побудь другом, когда брату нужен друг, побудь женой, когда брату нужна жена.

Пробыв во дворце уже два часа, Се Моюнь сослался на дела и подмтил подходящий момент, чтобы откланяться.

В глазах Ци Шияня мгновенно заблестели слёзы, он вцепился в рукав Ши Жосяня:

— Я тоже хочу пойти с сестричкой!

— Янь-эр, будь послушным, твоя матушка-тётушка через несколько дней снова придет, хорошо?

Матушка Су и Вдовствующая императрица уговаривали его на все лады, но Ци Шиянь и не думал успокаиваться — он открыл рот, собираясь зареветь в голос.

Вдовствующая императрица огорчённо произнесла:

— И что же делать?

Ши Жосянь поднял взгляд и улыбнулся:

— Позвольте мне попробовать.

Он наклонился к самому уху Ци Шияня и прошептал пару слов, после чего этот капризный вредина мгновенно затих.

Матушка Су только цокала от изумления, а Вдовствующая императрица даже подумала о том, чтобы оставить Ши Жосяня во дворце.

Но дворцовые правила нарушать было нельзя, так что оставалось лишь надеяться, что Се Моюнь и Ши Жосянь будут почаще навещаться во дворец.

Перед уходом Вдовствующая императрица напомнила Се Моюню:

— Шестнадцатого числа следующего месяца у Янь-эр день рождения, приводи и супругу принца в Резиденцию генерала, отпразднуем вместе.

Се Моюнь с прежней невозмутимостью выразил благодарность.

А Ши Жосяня вдруг пронзило воспоминание из прочитанной книги.

Резиденция генерала... Эти три слова были слишком важны.

Ши Жосянь только что всё ломал голову, почему имя Ци Шияня кажется ему знакомым — оказалось, всё дело в фамилии Ци.

Резиденция генерала была родовой ветвью прославленных воевод государства Да Ци, неизменно преданных трону и державших в руках всю военную мощь; их вес при дворе был еще выше из-за того, что прошлый генерал женился на родной сестре императора.

Однако до сюжетной линии нынешнего генерала Ци Юйхана Ши Жосянь ещё не дочитал, он помнил лишь одно: в первоисточнике Се Моюнь переломил ход игры и одержал победу именно благодаря тому, что завоевал доверие Резиденции генерала.

Ши Жосянь посмотрел на Ци Шияня, который провожал его полным тоски взглядом — на пухлых щёчках мальчика всё ещё виднелись два бледных следа от его пальцев.

Кто бы мог подумать, что та самая марионетка, за которую он только что ухватился — это его будущая опора.

По правде говоря, на ощупь эта опора оказалась весьма неплоха.

*

На пути к престолу подспудно бушевали тёмные страсти — не прошло и полдня, как заносчивые наследный принц и его жена со стыдом сбежали из Дворца Цынин.

А девятый принц Се Моюнь в один миг превратился из незаметного принца на задворках в единственного человека, занимавшего особое место в сердце Вдовствующей императрицы.

Когда они ехали во дворец, стражники у ворот лишь равнодушно скользили взглядом по экипажу девятого принца.

На обратном же пути тональность придворных стала куда более почтительной.

Вернувшись в карету, Се Моюнь не стал расплываться в улыбках или бросаться громкими словами, а лишь серьезно спросил Ши Жосяня:

— Устал?

Ши Жосянь моргнул.

Се Моюнь откашлялся:

— Глядя, как ты утром держался за поясницу, я подумал, что ты наверняка не выспался...

Лучше бы он молчании — от одних этих слов у Ши Жосяня снова заныла поясница.

Ши Жосянь принялся мять себе спину и проворчал:

— Почему у тебя такая жесткая кровать? Я сроду на таких не спал.

Се Моюнь задумался:

— Я понял.

Затем он подвинулся, освобождая часть своего сиденья:

— Можешь прислониться и поспать немного.

Изначально вдвоем они сидели как раз по центру, поровну разделив пространство.

Но Ши Жосянь по привычке занял две трети, так что Се Моюнь пришлось потесниться еще сильнее, из-за чего он теперь выглядел почти жалко.

Ши Жосянь хлопнул себя по груди:

— Не церемонишься со своим братом, садись поближе, ничего страшного.

Се Моюнь заколебался, но Ши Жосянь настаивал, и ему пришлось подчиниться.

Повозка покачивалась из стороны в сторону, навевая на Ши Жосяня сладкую дремоту.

Ши Жосянь потянулся, прижался спиной к стенке кареты и пробормотал себе под нос:

— Вэнь Убэй, твоя карета такая же жесткая, как и постель.

При этом он бросил на Се Моюня исполненный обиды взгляд.

Пару секунд спустя Се Моюнь вздохнул.

— Если хочешь, можешь прислониться ко мне.

Это был не вопрос, а утверждение.

Се Моюнь наконец понял, к чему Ши Жосянь заставлял его подвинуться.

Вот оно что, оказывается, какой у него был хитрый план.

Ши Жосянь с ленцой привалился к плечу Се Моюня, с видом кота, укравшего сметану.

Се Моюнь смотрел на точёный профиль Ши Жосяня, и его дыхание сбилось на пару ударов.

Причёску Ши Жосяню он поправлял перед выходом собственными руками, тщательно смазав волосы слоем ароматного масла, и теперь от них исходил тонкий запах османтуса.

Держать за руку и расчёсывать чёрные пряди перед зеркалом...

Се Моюнь не знал, научится ли Ши Жосянь в будущем сам укладывать волосы, но если тот захочет, он с радостью возьмет эти хлопоты на себя.

Снаружи донесся детский плач, и Се Моюнь, вспомнив то, что не давало ему покоя, спросил:

— Что ты такого сказал Ци Шияню, что он отпустил тебя?

Ши Жосянь уже закрыл глаза и сонно протянул:

— М-м?

Сердечко Се Моюня неожиданно дрогнуло.

— Ничего, спи.

Ши Жосянь не открывал глаз:

— Если хочешь узнать, купи мне цукаты из сливы с сахарной пудрой.

От усталости глаза не открываются, а всё туда же, думает о еде...

Се Моюнь уже хотел было что-то сказать, но заметил, что дыхание Ши Жосяня стало ровным и спокойным — тот заснул прямо у него на плече.

Се Моюнь приподнял занавеску и тихо бросил кучеру:

— Остановись у ближайшей лавки, сходи на рынок за сливами в сахарной пудре. Послаще... но не слишком приторные.

Кучер растерянно замялся:

— Но разве вам не нужно спешить на встречу с чиновником У?

— Ничего страшного, — Се Моюнь на мгновение замолк. — И купи еще несколько мягких

подушек.

Кучер ничего не понял, но приказ всё же исполнил.

Се Моюнь сидел на месте не шелохнувшись.

А под закрытыми веками Ши Жосяня легонько шевельнулись зрачки.

Ши Жосянь думал: «Зря я, кажется, прикинулся спящим...»

<http://bllate.org/book/19091/1874922>